

М.М. Покровский

**Материалы для исторической
грамматики латинского
языка**

Выпуск 25

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
М11

М11 **М.М. Покровский**
Материалы для исторической грамматики латинского языка: Выпуск 25 / М.
М. Покровский – М.: Книга по Требованию, 2026. – 288 с.

ISBN 978-5-458-00935-5

ISBN 978-5-458-00935-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2026

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2026

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

отглагольные имена на *-lo-* и *-ulento-*), 126—127 (глаголы на *-ēre*, произведенные от имен существительных), 133—135 (имена на *-li-*, *-bulo-*, *-bili-*, *-culo-* в ихъ отношеніи къ именамъ на *-ri-*, *-bro-*, *-bri-*, *-cro-*), 137 (время существованія суффикса *-illo-*), 138—154 (отглагольные суффиксы), 155 (время возникновенія сложнаго суффикса *-iso-*), 156 и слѣд. (остатки того періода, когда сложные суффиксы *-don-*, *-gon-* могли имѣть нераспространенную форму *-d-* и *-g-*), 161 (е въ именныхъ образованіяхъ и въ глагольныхъ формахъ отъ глаголовъ на *-ēre*), 163 (исторія конкуренціи именъ на *-tura* съ именами на *-tu-*), 166 (доисторическій періодъ флексіи именъ на *-mon-* и на *-tor-*), 245 (непереходные глаголы на *-āre*), 248 (семасіологическая исторія производныхъ отъ **anghos-*), 255 (образованія на *-tū-*, *-tus* и на *-tūd-*, *-ītus*) и т. д.

Перехожу къ слѣдующему пункту. Какъ въ семасіологическихъ, такъ и въ морфологическихъ изслѣдованіяхъ я стараюсь послѣдовательно примѣнять методъ въ сущности элементарный, но очень полезный, а именно. я ставлю себѣ за правило разбирать исторію явленій производныхъ параллельно съ явленіями, отъ которыхъ они произведены. Этотъ методъ въ связи съ другими частными и общими задачами работы заставилъ меня сильно раздвинуть первоначальныя рамки изслѣдованія: главнымъ предметомъ изученія были собственно прилагательныя, но въ связи съ ними пришлось дать семасіологическій или морфологическій или тотъ и другой вмѣстѣ анализъ большей части существительныхъ, особенно отвлеченныхъ. Наконецъ, въ разныхъ мѣстахъ работы я касался и ученія о глаголахъ: ср. замѣчанія во введеніи объ отношеніи глаголовъ 1-го и 3-го спряженій и въ частности объ отношеніи глаголовъ на *-uēre* къ глаголамъ на *-uāre* (ср. стр. 255); на стр. 117—118 я говорю объ отношеніи глаголовъ на *-tuāre* къ глаголамъ на *-tūre* (часть послѣднихъ—глаголы фреквентативные,—ср. бѣгловое замѣчаніе о нихъ на стр. 16); на стр. 157 разбираются глаголы типа *propaginare*; стр. 158 посвящена глаголамъ на *-īgāre*; ср. еще стр. 219—220 (глаголы на *-iāre*), 244—245 (непереходные глаголы на *-āre*); для глаголовъ 2-го спряженія ср. 126—127 (смѣшеніе глаголовъ 2-го и 3-го спряженій; глаголы на *-ēre* отъ именъ существительныхъ), 161 (ѣ въ именныхъ образованіяхъ и въ формахъ отъ глаголовъ на *-ēre*), 166—167 (каузативный глаголъ *densēre*); для глаголовъ 4-го спряженія и ихъ отношенія къ глаголамъ 3-го спряженія, ср., кромѣ введенія, стр. 245 и 246; о морфологическомъ отношеніи глаголовъ къ именнымъ отглагольнымъ образованіямъ я говорю во введеніи; стр. 59—64 посвящены такъ называемымъ *nomina postverbaux*, а также семасіологиче-

скому отношенію *nominum actionis* къ глаголамъ; на стр. 185—186 разобраны адъективированныя причастія на *-ns* съ пассивнымъ значеніемъ, наконецъ, на стр. 244—245 разобраны имена типа *stellans*.

Въ третьихъ, я занимаюсь изученіемъ соприкосновенія категорій фактовъ, такъ какъ весьма часто отдѣльныя явленія понятны не въ связи съ той категоріей, къ которой они непосредственно принадлежатъ, но въ связи съ той категоріей, съ которой данная категория конкурируетъ. Напр., позднее сочетаніе *vestis triumphabilis* (ср. 144) объясняется только изъ соприкосновенія и смѣшенія образованій на *-li-* и *-bili-*. Такимъ образомъ, возникли этюды о смѣшеніи и сложеніи параллельныхъ суффиксовъ или окончаній; для полноты послѣдняго отдѣла я остановился также на сложеніи суффиксовъ неродственныхъ.

Обращаясь теперь къ болѣе частнымъ вопросамъ, я отмѣчу, что семасіологическій отдѣлъ книги, занимающій въ ней много мѣста, обработанъ съ различныхъ точекъ зрѣнія: въ однихъ случаяхъ я позволяю себѣ дѣлать изъ своихъ семасіологическихъ наблюденій болѣе или менѣе отвѣтственные и широкіе выводы; въ другихъ случаяхъ я ограничиваюсь пока только практическими цѣлями—подборомъ и группировкой матеріала, который мнѣ представляется однороднымъ. Наконецъ, третій рядъ семасіологическихъ наблюденій имѣетъ по преимуществу служебное назначеніе, какъ вспомогательное средство для разъясненія этимологическихъ и морфологическихъ вопросовъ: ср. стр. 61 (*maturus*), 139 (*proletarius*), 158 (*vectigal*), 168—176 (*serenus*), 246 (*insulescere*); особенно широко я примѣняю семасіологию къ морфологii: ср. стр. 94—107, 122—133, 142—143, 148—166; изъ отдѣльныхъ подробностей ср. то, что я говорю объ отношеніи прилагательныхъ типа *vetustus* и *veteratus* (стр. 11—13), *Cinxia*, *Unxia* (стр. 78), *penna* (стр. 100) и т. д.

Изслѣдуя факты латинскаго языка въ исторической перспективѣ, я стараюсь исходить отъ того наслѣдства, которое этотъ языкъ получилъ отъ индоевропейскаго праязыка или отъ праиталійской эпохи, и довожу его исторію часто до романскихъ нарѣчій. Нечего и говорить о томъ, что я очень сочувствую современному интересу къ поздней латыни; въ моихъ глазахъ это не только вспомогательное средство для пониманія исторіи романскихъ нарѣчій, это вмѣстѣ съ тѣмъ и средство къ пополненію нашихъ свѣдѣній по исторіи языка. Съ какой бы поздней эпохой языка мы ни знакомились, мы уже а priori должны предполагать, что многіе древнѣйшіе факты языка способны сохраняться до поздней эпохи, и если съ одной стороны уже у Плавта и даже до Плавта встрѣчаются романизмы, то съ другой нельзя удивляться тому, что въ нѣкоторыхъ памятникахъ позднѣйшей латыни сохранились явле-

ній, въ сущности доисторическія. Такое заключеніе неизбежно, съ какой бы точки зрѣнія мы ни подходили къ изученію языка. Если мы станемъ на точку зрѣнія культурной исторіи, то мы знаемъ, что не всѣ отрасли жизни развиваются равномерно, но отдѣльныя изъ нихъ, по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ своихъ проявленіяхъ, туго поддаются развитію; на такой же ступени развитія остается и та область языка, которая соотвѣтствуетъ этимъ явленіямъ. Если мы посмотримъ на языкъ съ психологической точки зрѣнія, то мы знаемъ, что носителями старыхъ явленій въ языкѣ служатъ постоянныя сочетанія, соотвѣтствующія сложнымъ представленіямъ. Я пытаюсь дать и объективные критеріи для выдѣленія такихъ древнихъ явленій изъ поздней эпохи языка: это именно несоотвѣтствіе этихъ явленій съ преобладающими тенденціями поздней эпохи. Что касается специально вопроса объ отношеніи романскихъ нарѣчій къ народной латыни, то, конечно, я не могъ ставить себѣ задачей систематическое изученіе этого вопроса,—это дѣло скорѣе романиста, чѣмъ латиниста. Все-таки отдѣльныхъ замѣчаній на эту тему въ книгѣ набралось много, и я позволю себѣ сгруппировать ихъ. Сюда относится, прежде всего, весь отдѣлъ о смѣшеніи суффиксовъ и окончаній (138—154), специальный этюдъ о романизмахъ въ глоссаріяхъ (247—248) и о предлогахъ *per*, *pro*, *prae* (111 и 248—253); ср. далѣе смѣшеніе глаголовъ 3-го и 4-го спряженія (8—10, 245, 246), „девербальное“ употребленіе суффикса *-oso-* (98), сущ. *anxia* (105), замѣчаніи о *singultus*, *sugghittus*, *sugghittum* (110, 219, 262), *singultire* и *sugghittire* (118, 219, 262), смѣшеніе глаголовъ 2-го и 3-го спряженія (127), протетическій гласный передъ *s*+consonans (177, 200, 221), глаголь *fabellare* (187), *con : qua* (187—188), смѣшеніе *prae*verbia *de*, *di*, *dis* (191, 199), *tollerare* (218), *berdices* (223), смѣшеніе *b* и *v* (255), *g* и *i* (192), *x* и *s* (191, 221), *ae* и *e* (225), *thensaurus* (226), **sicularis* (260), **sommiculus* (260), *apicula* (260) и пр.

Что касается латинскаго матеріала, цитируемаго въ этой книгѣ, то ояъ, за немногими неизбежными исключеніями, цитированъ изъ текстовъ. Безусловно самостоятельны цитаты изъ поэтическихъ текстовъ, изъ надписей, причемъ я пользуюсь случаемъ пропагандировать прекрасное изданіе Бюхелера эпиграфическихъ стихотвореній, тѣмъ болѣе, что при немъ нѣтъ *index*'а; равнымъ образомъ вполне самостоятельны цитаты изъ грамматиковъ и особенно лексикографовъ.

Я отлично понимаю, что при всѣхъ моихъ усиліяхъ читатель можетъ найти въ этой сложной работѣ или недосмотры или недомолвки; замѣтить ихъ всѣ для автора очень трудно, какъ трудно предвидѣть и возраженія, которыя иногда зависятъ отъ различія въ интересѣ автора

и читателя къ тому или другому вопросу. Могу сказать только то, что я не имѣю въ виду закончить свою ученую дѣятельность этой книгой, и ко многимъ поставленнымъ здѣсь вопросамъ надѣюсь возвратиться въ ближайшемъ будущемъ. Между прочимъ, помѣщенная въ концѣ книги работа о *Corpus Glossariorum Latinorum* представляетъ только часть моихъ наблюдений надъ этимъ матеріаломъ; остальная же часть будетъ напечатана отдѣльно, хотя, конечно, и теперь я могу присоединить нѣсколько дополненій, лишь случайно не вошедшихъ въ эту книгу. Напр., искаженная глосса *Ampl. sec. dies infunda* (стр. 211), вѣроятно, представляетъ собою цитату изъ Энеиды II 132: *iamque dies infunda aderat*; оттуда же идутъ глоссы *Vat. IV 33,4: ceco mare nocturno bello* (*Aen. II 335: et caeco Marte resistunt*, ср. примѣчаніе Сепвія: *caeco Marte aut nocturno proelio, aut epitheton Martis est, cuius exitus semper incertus est*), *Affatim 506, 45: dives opum abundans divitiarum*. ср. *Gl. Verg. IV 439, 2* (*Aen. I 14 или II 22*). Если глосса *arrectis....* упомянутая на стр. 210, является цитатой изъ *Aen. II 303 (arrectis auribus adsto)*, то соотвѣтствующая глосса въ *Affatim* можетъ быть измѣнена въ *arrectis audientibus vel ad audiendum paratis*. Изъ поправки чтенія глоссы могу предложить еще слѣдующія: *Ampl. sec. 287. 15: Dione foenus*, т. е. *Venus*, 307, 12 (*Affatim 533, 21 и др.*): *Lernaeus ut anguis inlernatus*—ἀπλογραφία вм. *in Lerna natus*, 314, 61: *obsesus crassus pinguis*, т. е. *obesus* (ср. *Affatim 544, 20*), 328, 48: *receptaculum habitatio receptationis et exnodicum*—вѣроятно ἐκνοδοχείον, для протетического гласнаго передъ *x* ср. хотя бы *Наген* *) *Grad. ad crit. 82: exynia* (Ξενία), *exyro* (Ξύρω) и пр.

Михаилъ Поеровскій.

Москва, октябрь 1898 года.

*) Къ сожалѣнію у меня не было этой книги подъ руками при обработкѣ моихъ глоссографическихъ этюдовъ. Впрочемъ, мои наблюденія и особенно наблюденія надъ смѣшеніемъ словъ и формъ могутъ служить дополненіемъ къ ней.

ВВЕДЕНИЕ.

Къ методологiи исторической грамматики латинскаго языка. Аналогия, какъ факторъ роста языка. Кажущаяся непоследовательность въ развитiи языка. Античные грамматики и новое языковѣдiе.

Настоящая работа соприкасается по своимъ задачамъ съ моими «Семасiологическими изслѣдованiями въ области древнихъ языковъ»; а объ эти работы стоятъ въ связи съ систематическимъ пересмотромъ латинскаго именного словообразованiя и основообразованiя, который я предпринялъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ и который окончу, вслѣдствiе чрезвычайной трудности изслѣдованiя, вѣроятно не скоро. Исторiя латинскаго языка до такой степени или запутана или отрывочна, что первой задачей ея изслѣдователя должна быть забота объ усовершенствованiи методовъ изслѣдованiя; какъ я вездѣ, такъ особенно въ латинскомъ языковѣдiи, прочныхъ результатовъ можно достигнуть только въ томъ случаѣ, если изслѣдователь приступитъ къ занимающимъ его вопросамъ съ самыхъ разнообразныхъ точекъ зрѣнiя.

Прежде всего, въ латинскомъ языковѣдiи очень недостаточно разработана семасiологiя именныхъ категорiй; а между тѣмъ этотъ вопросъ, интересный и самъ по себѣ, весьма важенъ по своимъ практическимъ приложенiямъ. Такъ, границы употребленiя одного и того же суффикса въ отглагольныхъ и отъименныхъ образованiяхъ — въ латинскомъ языковѣдiи почти совершенно не выяснены: мы часто читаемъ не только въ филологическихъ, но и въ лингвистическихъ работахъ и руководствахъ, что напр. такое-то образованiе чересчуръ смѣло, такъ какъ въ немъ словообразовательный суф-

фиксъ, самъ по себѣ употребляющійся въ отрицательныхъ образованияхъ, присоединенъ къ глагольной основѣ, или наоборотъ суффиксъ, первоначально употреблявшійся въ отглагольныхъ образованияхъ, присоединенъ къ именной основѣ; это наблюдение перѣдко приводитъ авторовъ вышеуказанныхъ работъ и руководствъ къ историко-литературнымъ заключеніямъ о небрежности въ словообразованіи у того или другого писателя и т. д. Между тѣмъ бѣглый пересмотръ цѣлаго ряда морфологическихъ категорій въ латинскомъ или иномъ языкѣ покажетъ, что употреблеііе одного и того же суффикса въ обѣихъ вышеуказанныхъ функціяхъ — явленіе очень распространенное; а семасіологическій анализъ этихъ категорій выяснитъ и причины такого, повидимому, смѣлаго новообразованія; онъ выяснитъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что эти причины дѣйствительны не для одной какой-нибудь категоріи одного языка, но для различныхъ категорій различныхъ языковъ.

Во вторыхъ, съ семасіологической точки зрѣнія будетъ понятенъ и вопросъ о параллельной жизни сходныхъ по значенію суффиксовъ т. е. или объ ихъ сложеніи или объ употребленіи одного вмѣсто другого. Размѣры этого явленія въ общемъ ходѣ развитія языка могутъ быть иногда довольно значительны, и его важность къ лингвистикѣ не подлежитъ никакому сомнѣнію.

Въ третьихъ, семасіологическій анализъ, необходимый при установленіи этимологіи слова, приноситъ большіую пользу и при рѣшеніи морфологическихъ вопросовъ и т. д.

Въ виду этого, я отвѣжу въ настоящемъ изслѣдованіи много мѣста семасіологіи именныхъ категорій, въ полной увѣренности, что систематическое изслѣдованіе исторіи значенія этихъ категорій должно пролить свѣтъ на весьма многіе запутанные вопросы латинскаго языковѣдѣнія.

Обращаясь къ чисто морфологическому изслѣдованію, я долженъ замѣтить, что наряду съ затрудненіями, представляемыми самой традиціей латинскаго языка, изслѣдователю приходится считаться съ многочисленными затрудненіями, искусственно образованными въ научной литературѣ по этому языку: въ этой наукѣ укоренилось такъ много предразсудковъ, пріобрѣвшихъ чуть не юридическую давность, что изслѣдователю по временамъ стоитъ большаго труда отрѣшиться отъ нихъ и выйти на правильный

путь. Это зависит главным образом от несовершенства методологических приемов у многих авторов. Историк латинского языка должен, в виду чрезвычайной трудности исследования, с особенным вниманием различать эпохи в жизни этого языка и с особенной осторожностью поступать с аналогией, не спеша относить каждое трудное явление в разряд аналогических новообразований. Общим вопросом об аналогии, как очень важном факторе развития языка, как - то мало занимаются, а те немногие ученые, которым приходится его касаться, спешат отделаться замечанием насчет неполноты традиции, лишаящей нас возможности найти известный порядок в аналогических новообразованиях. Аналогия — фактор психологический, но из этого отнюдь не следует, чтобы она создавала в языке беспорядочное хозяйство, поражающее внимательного наблюдателя на каждом шагу неожиданностями и несообразностями. Возьмем психологию души: как ни разнообразны отдельные сочетания представлений, однако они зависят от определенных законов. Вообще мы уже а priori не имеем права смотреть на эволюцию языка, в которой психологические факторы играют большую роль, — как на нечто лишнее порядка. Фактически доказательства такой мысли дать, конечно, не легко, так как они являются в сущности самым трудным моментом во всей лингвистической работе — ее синтезом. Уклоняться же от подобных итогов предварительной очень сложной работы над отдельными явлениями все-таки нельзя, так как они должны пролить свет на свойства и на внешние проявления того фактора, с которым исследователь языка постоянно имеет дело. На первых порах такая наблюдения могут выяснить нам известные общие черты отдельных эпох языка, а знание этих общих черт позволит нам с значительной определенностью разобратся в отдельных трудных явлениях языка.

Мне уже приходилось указывать (Семас. Изсл. 3 — 8, Фил. Об. XII 72) на отдельных примѣрах преимущественно из греческого языка, что в аналогических новообразованиях замѣтно определенное направление, что напр. как $\phi\rho\acute{\alpha}\varsigma$ вм. $\phi\rho\alpha\iota$ при $\phi\rho\acute{\alpha}\nu$, $\phi\rho\acute{\alpha}\nu\epsilon\varsigma$, такъ и $\delta\epsilon\text{-}\tau\acute{o}\varsigma$ вм. $\ast\delta\alpha\text{-}\tau\acute{o}\varsigma$ (ср. $\delta\alpha\text{-}\chi\acute{o}\varsigma$) при $\delta\acute{\iota}\delta\omicron\mu\iota$, $\delta\epsilon\text{-}\tau\acute{o}\varsigma$ вм. $\ast\delta\alpha\text{-}\tau\acute{o}\varsigma$ при $\tau\acute{\iota}\delta\omicron\mu\iota$, $\tau\acute{\iota}\delta\omicron\upsilon\tau$ — и т. п. объясняются общей

тенденціей греческаго языка, состоящей въ вытѣсненіи α , которое являлось параллельно съ σ , ϵ , ω , η въ другихъ формахъ известной системы. Это можно показать и на исторіи латинскаго языка.

Возьмемъ сложную группу явленій. Начиная съ древнѣйшей эпохи латинскаго языка мы встрѣчаемся съ довольно распространеннымъ колебаніемъ между глаголами 1 и 3 спряженій. На причинахъ этого сложнаго явленія мнѣ нѣтъ надобности останавливаться въ данной связи, достаточно отмѣтить, что выражается оно въ слѣдующихъ формахъ: вопервыхъ, мы находимъ глаголы съ формами инфинитива и индикатива по 1-му и по 3-му спряженію. таковы: *lavāre: lavāre, tonere: tonare, sonere: sonāre, crepēre* (Eutychn. Corp. Gr. V 486, 22: *crepo, crepas et crepo crepis unde et crepere*, Varro *Sat. Men.* 124: *percrepis,—crepundia*, образование какъ *gerundium* отъ *gerere*)—*crepare, boere: boare, mejere: mejāre*, позднѣе *vacere* при *vacare* (ср. формы *vacui, vacuisse, vacentem* у Rönisch'a *Italia und Vulgata*, романское *vacitus* въ ит. *vuoto* и т. д.); при позднемъ *vindicare* ср. раннее образование *vindicta* и *vindicat*—*vindicat* въ законахъ 12 таблицъ, при обычномъ *fūror furātus sum* ср. раннее образование *fur-tu-m*; наряду съ *imbricare* ср. въ знаменитыхъ *Glossae Labbaei imbricitur* ὁμβρίζεται βρέχεται. Ср. наконецъ колебаніе между *insipere* и *insipare*, Paul. Fest. 448: *supat, jacid unde dissipat disicit et obsipat obicit et insipat hoc est inicit*; ср. съ другой стороны Pompon *com.* 50 и 86 (*ligna insipite, farinam insipui*), Cato *r.r.* 85, Varro *l.l.* V § 105 (*insipitur*).

Въ другихъ случаяхъ очень распространены формы perfect'a и особенно супина по третьему спряженію; ср. *juro-jūri-jūritum* (ближайшимъ образомъ изъ **jurē-tu-m*), *cubo-cubui-cubitum* (отношеніе этого глагола къ *cumbere* нѣсколько похоже, по крайней мѣрѣ въ indicativ'ѣ и инфинитив'ѣ, на отношеніе *jugare* къ *jungere*), *plico-plicui-plicitum, seco-secui-sectum, veto-vetui-vetitum, domo-domui-domitum* (здѣсь, конечно, сохранились старыя формы основы съ α —ср. паллѣматор, д. инд. *damilar-*), *mico-emiciu-mictum, frico-fricui-frictum*; послѣдній глаголъ интересенъ тѣмъ, что онъ въ сущности деноминативный: онъ несомнѣнно въ родствѣ съ глаголомъ *fri-o* и такимъ образомъ произошелъ отъ существительнаго *fri-cae*; несомнѣнно деноминативный глаголъ *nectare* (отъ *nect*) также могъ имѣть формы *nectui, nectum*; сюда же относится и тотъ фактъ, что

при деноминативныхъ глаголахъ *hālāre, anhēlāre* сохранились абстрактныя существительныя на *-itus*: *hālītus, anhēlītus*; каково бы ни было происхождение глагола *spirāre*, характерно существительное *spiritus*.

Изъ болѣе поздняго языка извѣстны очень распространенныя *rocītus* отъ деноминативнаго *vocare, probītus* отъ деноминативнаго *probāre*; романскіе языки предполагаютъ **levītus* (отъ *levāre*) W. Meyer-Lübke Gröber-Grundr. d. rom. Phil. I 368 (ср. Körtting Lat. rom. Lex. 4775), **fimītus* (отъ *fimāre*) Gröber Arch. lat. •Lex. II 287, напр. пров. *fento* и т. п. ¹⁾; поздн. *rogītus, adrogītus; picītus* вм. *picātus* (Rönsch Conjectanea phil. 222), fut. *crementur* (ibid. 225).

Развились ли эти послѣднія явленія исключительно въ позднемъ языкѣ, сказать трудно. Весьма возможно, что и они древняго происхожденія (ср. напр. и въ осскомъ яз. причастіе *profio-*, т. е. вмѣсто образованія на *-ato-*) и только случайно засвидѣтельствованы поздно.

Какъ бы то ни было, установивъ для древняго языка эту тенденцію, мы поймемъ одну группу явленій, до сихъ поръ неразъясненныхъ, но, по моему мнѣнію, несомнѣнно относящихся сюда же.

Нетрудно замѣтить, что съ образованиями супина или part. perf. pass. стоятъ въ извѣстной морфологической связи различныя именныя образованія на *-tor, -tio, -men(tum)* и т. п. Ср. напр. при синкопированной народной формѣ *pos-tus* (отъ *pūno*)—*suppostrix* и *impomenta* (ближайшимъ образомъ изъ **im-po-s-men-ta*); или напр. ср. *tribulum* (-a), *de-trī-mentum, inter-trī-mentum* (Varro l.l. V § 176: *detritum* a *detritu, quod ea quae trita minoris pretii. Ab eadem mente intertrimentum* ab eo, quod duo quae inter se trita et deminuta) при *trī-tus* и т. п. ²⁾. Вполнѣ понятно a priori, что колеба-

¹⁾ „Man darf in **fimitus* eine Bildung erkennen aus **fimaře* (vgl. cat. *fimar* prov. *femar*), das in der Landwirtschaft neben oder vor *stercorare* wohl bestand und in der Buchsprache nur wegen des anrühigen Sinnes keine Verwendung fand. Gleichartig steht nach Bedeutung und Bildung dem angesetzten Worte *spiritus* aus **spirare* gegenüber“.

²⁾ Врядъ ли будутъ смѣяться на то, что *tribulum* и *de-inter-trīmentum* не единственныя образованія при *trī-tus*, но что въ языкѣ существовали образованія *tere-bra* и *termentum* (Fest. 552: *termentum* pro eo quod nunc dicitur *detritum*,

ніе между 1 и 3 спряженіями, свойственное извѣстному періоду древняго языка, могло отразиться и на упомянутыхъ образованіяхъ. Самъ я повялъ бы такимъ образомъ слѣдующіе факты:

1) *volū-cer* при *volāre*; по суффиксу это такое же образованіе какъ *lūdi-cer* при *lūdēre*. Разница въ склоненіи объясняется такъ же, какъ и въ производныхъ отъ *volvo*: такъ, гусеница (называемая обыкновенно *convolutus* или *involutus*) называется у Колумеллы или *volūcra* или въ plur. *volūcres*, ср. Plin. XVII 265: *aliqui volūcere appellant animal praerodens pubescentes uvas*; равнымъ образомъ при *involūcrum* «покрывало» у Плавта *Capit.* 267 въ рукописной традиціи передано *involūcere*. Замѣтимъ кстати, что исторія перваго изъ этихъ словъ дѣлаетъ ненужной измѣненіе *involūcere* въ *involūcrum* въ изданіяхъ Плавта.

2) *negibundus* (= *negābundus* у Павла Діакона) при *negāre*; ср. *jūcundus* изъ **jue-cundus*.

3) *fellebris* Solin. II 33 ed. Mommsen² (*fellibri*, N, *felebrī* II, **lebrī* C', *felcebrī* C², *uellebrī* S) при *fellāre*. Хотя слово засвидѣтельствовано поздно, но оно несомнѣнно очень древняго происхожденія. Не говоря уже о томъ, что языкъ *scriptorum rei rusticae* по самому своему характеру способенъ сохранять явленія глубокой древности, давняя форма совершенно не соотвѣтствуетъ морфологическимъ свойствамъ историческаго періода латинскаго языка: суффиксъ *brī* есть такая разновидность (возник-

titur Plautus in *Bacchidibus*—см. стихъ 929, гдѣ передано въ рукописяхъ *tormento*). Надо замѣтить, что эти послѣдніе образованія могли принадлежать другой, пожалуй, болѣе ранней эпохѣ: ср. гр. *τέρε-τρον*.—Прибавлю, что вслѣдъ за Баррономъ (*l.l.* V § 21) сюда же относятся *ex-ter-ment-arium* (*lintheum quod teritur cor-pore*); но по значенію оно ближе къ глаголу *extergere*, да и въ морфологическомъ отношеніи оно такъ же шло бы къ *tertus* (при *tersus* у *Varro Sat. Men.* 169: *aerea terta nitet galea* и др.), какъ *tor-mentum* къ *tortus* (*torquere*). По идѣе ср. кромѣ того *manetele* (изъ **manu-terg-sle*) и *manutergium*.

Уже послѣ того, какъ подобный взглядъ на *extermamentarium* для меня опредѣлился, я нашелъ любопытныя подтвержденія въ глоссаріяхъ. Замѣчательныя во многихъ отношеніяхъ *Glossae Nominum* даютъ *extergimentarium*=*manutergium* (Corp. Gloss. II 578, 54). Въ не менѣе любопытныхъ *Glossae Graecolatinae* мы находимъ апо-дѣисовъ *extergeo tergeo abstergo* и рядомъ аподрасма *termentorium* (Corp. Gl. II 288, 57 и 58), т. е. *termentarium*. Ср. въ тѣхъ же глоссахъ II 291, 38: *ἐκμαγεῖον tergorium*. Я читаю *tergarium* и объясняю его происхожденіе при *tergere* такъ же, какъ происхожденіе *mulgare* или *mulgarium* (*Excerpta ex Cod. Vatie. 1468* въ Corp. Gloss. V 507, 37) при *mulgere*.